

ТЕАТР имени В. Маяковского всегда был театром советской пьесы, современной темы. Впрочем, и такие бы древние века не забывались театр, в какие бы дальние страны он ни заглядывал, то, что показывают и как показывают маяковцы, дает им право сказать, как поется в популярной телепередаче: «Наш адрес — Советский Союз».

Перед нами коллектив, не склонный решать свои творческие задачи однозначно, а тем более традиционно. Он исходит из своих толкований, ищет оригинальные средства художественного выражения. Не всегда они бесспорны, и

заполнить пустоты пьесы, братья времени поучительность, занимательность. Это слышится даже в музыкальном оформлении И. Месроbianца: символически звучат в начале спектакля поэтические телепрограммы «Время». Только вот характеризуется оно, время, образом Садева — дубликант Чехова («Человек со стороны»), но без его доказательности и убедительности.

Стоит ли упрекать театр в том, что он взялся ставить не во всем выстроенную пьесу? На мой взгляд, нет. Превалирует доброе намерение передать творческую атмосферу трудовых будней, под-

томыше подвести и более чем выразительными фигурами пьесы. Здесь нет любовного обаяния. Испытатели играют свои роли, а бы снадил, с большими ищущими, отточившими, мастерством. И слышится, мне думается, нечто парадоксальное: чем тоньше и лучше играют актеры, тем менее обличаются герои, а нафес осуждения моральных уродов слышится.

Нет сомнения, что и писатель, и театр искренне ненавидят своих неприглядных «героев». Но в искусстве могут произойти казусы, когда эстетическая сила доведет над логикой — и происходит некое примирение с тем, что должно вызвать возмущение. Нечто подобное случилось и в спектакле «Энергичные люди», где злодуги караются не ходом событий, не зрительским приговором, а безмолвным миллионером...

И. НАКОНЕЦ, о «Беседах Сократа» Эдварда Радзинского. В последние времена мы встретились с рядом пьес: сюжет и герои которых почерпнуты из античных времен. Тут и «Дионис», и «Забывать Герострата», и «Беседы с Сократом». Авторы, видимо, обратились к вымыслу — и подлинным лицам не ради любви к сегой истории, а для того, чтобы на историческом материале высказать волнующие мысли, затронуть социальные, философские, морально-этические проблемы, важные и для наших дней.

Э. Радзинский в основной фабуле верен истории. Хотя Сократ, как известно, не оставил после себя письменного наследия, по о нем написаны и комедии (Аристофан), и мемуарные свидетельства (Платон, которого драматург, видимо, изучил основательно). Главные герои пьес существовали в действительности (Сократ, Антипатр, Алкиад, Критий и др.). Ситуации, которые в ней воссозданы, вплоть до осуждения философа на смерть и принятия им яда, — подлинны. Беседы Сократа о законах, знаниях, чести, добре и зле, дружбе, верности, любви, душе и плоти, хотя они и идеалистичны, но благородны, гуманистичны, и в этом смысле достойны доброго слова, в том числе и в художественном произведении.

Постановка — одна из самых монументальных в масштабных работ театра. Здесь и не думали о музейной реставрации эпохи, места действия. Об антике напоминают только обложки колес и одеяние некоторых героев. В то же время веришь происходящему на сцене. Хорошо, что начисто отвергнута стилизация. Изобретательно пространственное решение, особенно в финале, когда уже принявший яд Сократ возмущается по бесчисленным ступеням (вознесение, утверждение правды философа), и по той же лестнице спускаются один из правителей Афин Анит и поэт Мелет (выражение их падения).

В общем перед нами, что называется, импозантный театральный зрелище. Но на фоне, к сожалению, целостное, последовательное, художественно единое. Если трудную роль Сократа (даже в физическом смысле) реалистически просто, с умением для героя исполнить, убедительно проводит А. Димгарханян, то в других портретах ощущается существенный разрыв, некоторая нарочитость, подчеркнутая условность, а то и представительство. Можно, конечно, понять барствую зависимость образа Проклеса (И. Охлопкин), но стоило ли поэту Мелету (В. Павлов) обращаться к и медоративным интонациям, то и пародийному поэтическому завышению? Это являет некие несвязности в представлении на весьма серьезную тему.

Спектакль еще раз засвидетельствовал наличие в коллективе опытных исполнителей и исполнительниц, среди которых хочется выделить С. Мизери, С. Немоласву.

В лучших постановках московских гостей зритель и серьезно задумывается, и весело смеет, и искренне негодует, может и не всегда соглашается с трактовкой всех событий и лиц, но никогда не остается равнодушным. А это говорит о живом творческом организме театра — ницущего, размышляющего, отвергающего легкое, проторенные пути.

Литисиф КИСЕЛЕВ.

ПОИСКИ И СВЕРШЕНИЯ

Гастроли Московского театра имени В. Маяковского

нам в свое время приходилось возражать против абсолютизации формы в иных постановках в ущерб идейному содержанию. С тех пор многое пересмотрено и видоизменено, и если говорить о преимуществах, то она заключена в развитии лучших традиций театра, прежде всего — в стремлении к яркой зрелищности.

По-прежнему театр не замыкается в каком-то одном определенном жанре. Вот и нынешние гастрольные спектакли достаточно разнообразны. Тут и античная трагедия, и зарубежный мюзикл, и философская драма, и сатира, комедия, публицистика. Поисковому пристрастия классика и впервые поставленные современные пьесы. Учитываются и потребности широким актерского мастерства, и равности зрительных вопросов. Не потому ли так охотно посещаются спектакли москвичей?

Среди приведенных спектаклей мы видим знакомые («Аристократы», «Трамвай «Желание»), но превалируют постановки последних лет, то, что определяет сегодняшнее гражданское и художественное лицо театра.

Театр по-прежнему тяготеет к драматическим, тасоченным историям, к ярким характерам, олицетворяющим дух нашего времени, его ритм, конфликты. При этом, конечно, учитывается социальная значимость пьес, их актуальность.

ЭТИМИ критериями, по которым театр, принимающий репертуар «Бесед Сократа» Эдварда Радзинского, в пьесе действуют разведчики недр. В центре событий (вернее — рассказы) талантливый и целеустремленный геолог Фарид Садева (А. Лазарев), открывший нефть в Тургуте.

Но жалко, что зритель не вовлечен в историю борьбы за заветную нефть. Как это достигнуто, приходится верить герою на слово. Потому что по существу нет в пьесе действия, нет острого конфликта.

Начеала, когда Садева, знавший уже солидный пост, мститель против нечестных сделок Журавлева (актер Ю. Горобец), якобы замышляет план добычи нефти, называясь от фамилии незнакомца, ставшим из двух сильных и ярких личностей, вернее двух личностей, двух точек зрения. Но тут, стиче так и повисла в воздухе, она превращалась в пустоту, а Журавлев без всяких лавлений впросто исчез со сцены. Что же остается? На сцене-то видны эпизоды из научной жизни геологов, срабод с бюрократом Голубым (А. Преснецов), да «таудая любовь» с восторженной девушкой Анной (И. Печеринова).

Театр (постановка А. Гончарова и Б. Табачникова, художник Ю. Боговлевский) предложил немало сил, чтобы

держать тех, кто подвизается верен своему делу.

ЕЩЕ одна новая работа маяковцев — «Проводы» Игнатия Дворецкого. Конфликт пьесы заигрывает в внутренних борениях «большого снабженца» Старосельского — уезжать ли на повышение в Москву или остаться на Севере у любимого дела, которому отданы лучшие годы жизни.

В образе Старосельского решается одна из насущных проблем наших дней — проблема руководителя крупного хозяйства, коллектива. И с деловой точки зрения, и с чисто нравственной, Старосельского заботит не только профессионализм его приемника, а и честность, порядочность, принципиальность. Вот почему он отвергает кандидатуру своего заместителя Чанышева, оказавшегося в быту не во всем щепетильным, чистолютым. Отсюда и колебания Старосельского. Они, правда, объясняются и наличием традиционного любовника «треугольника» (Старосельский, Горчаков, Горчакова), глубокими чувствами Старосельского к Горчаковой, не решающейся покинуть семью. Впрочем, так называемая личная линия пьесы прочерчена не очень-то рельефно и остро, тем более, что уединения «треугольника», в частности Горчакова (Т. Дорожника) не стремятся драматизировать ситуацию, видимо, ради того, чтобы не трогать главную идею произведения.

Нельзя сказать, чтобы спектакль (постановка А. Гончарова и Б. Табачникова, художник Ю. Боговлевский) оформлен с какой-то особенной выразительностью, но с некоторой сценическими портретами, за исключением разве что работ А. Димгарханяна (Старосельский) и А. Ханова (Плинер). Но он хорошо смотрится и слушается пьеса богата уверенными, афористичными репликами, автор вводит в оборот неслыханный образ Янцевца (Ю. Горобец) — человека, добровольно отказывающегося в силу своих личных качеств от руководящего поста.

ТЕАТР считает нужным — и правильно делает — утверждать нравственные принципы и нормы советского образа жизни не только на положительных явлениях, но и на отрицательных. Постановка «Энергичных людей» Вячеслава Шумкина с точки зрения обличения хапуг, стяжателей, аферистов не может вызвать возражений. Известно, что и системой отрицательных образов можно утверждать — по закону контраста — положительную идею.

Доводилось видеть разные сценические реализации Шумкина, афористичных реплик, автор вводит в оборот неслыханный образ Янцевца (Ю. Горобец) — человека, добровольно отказывающегося в силу своих личных качеств от руководящего поста.